

ЧЕЛОВЕК И РЕЛИГИЯ

Г.В. Хлебников

АНТИЧНАЯ ТЕОЛОГИЯ У ДИОГЕНА ЛАЭРТСКОГО

Название статьи только на первый взгляд кажется несколько провоцирующим и парадоксальным, ведь произведение Диогена Лаэртского, как говорил когда-то в далеком 1979 г. мой научный руководитель Алексей Сергеевич Богомолов на кафедре ИЗФ МГУ, рекомендуя труд древнегреческого эрудита в качестве темы кандидатской диссертации, «по существу, вся античная философия», а в античной философии богопознание и учение о богах — одна из центральных тем (достаточно вспомнить ее место в учениях досократиков, Сократа, Платона, Аристотеля, стоиков и т.д.).

Однако конец брежневского правления был не лучшим временем для подобного типа анализа, хотя бы и античных мыслителей, поэтому данного вопроса в диссертации пришлось коснуться лишь вскользь, ограничившись экспозицией того небольшого, что было у западных ученых.

Лаэртций, по его собственным словам, собирал в свои книги все, что считал наиболее важным и ценным у философов, поэтому значительной задачей представляется отдельно выделить и рассмотреть и эту сумму философско-теологических знаний (а часто и психотехник или бихевиористических технологий на их основе), которые он находит в текстах своих авторов и транслирует читателю.

Несколько слов в связи с этим о методе Диогена Лаэртского: он скептик, сознательно стремящийся воздерживаться как от суждений в отношении приводимых им тезисов философов, так и от высказывания собственных догматических положений, что не препятствует ему тем не менее изредка то одной-двумя эмоционально окрашенными фразами обозначить «свою» позицию, то, например,

выразить негодование по поводу асебии некоторых мыслителей. Не исключено, что то и другое тоже сознательно и намеренно, — чтобы самому не пострадать по аналогичному обвинению, ведь он приводит достаточно и атеистических высказываний, оскорбительных для официальной демотической религии полисов. Как показывают приводимые им примеры, свободно говорить и писать о богах в те времена было не так уж безопасно, отчасти это верно и сейчас.

На первый взгляд и в целом, философы у Диогена чувствуют себя выше религиозных представлений. Так, Солон не видит в религиозных обрядах особой пользы, Диоген считает Дионисийские празднества безумием, теология Гесиода и Гомера подвергалась осмеянию такими философами, как Пифагор, Гераклит и Ксенофан, а Анаксагор, Сократ и Аристотель были даже привлечены к суду за нечестие, которым они нанесли оскорбление религиозным представлениям народа. Согласно стоикам, мудрец не испытывал страха и преклонения перед демонами (II 97, 117, IV 54, X 123, I 64, VI 24, 28, II 13, 38, 40, V 8, VII 119, II 91). Эпикур считает, что наука освобождает от мифологии, а «варварская» философия, которая была теологичной, не считается поэтому подлинной (VIII 21, IX, I, 18, X 143, 87, 104, 116, I 1, 2, 5, 6, VIII 3). Собственное отношение Диогена Лаэртского к теологии вначале также представляется индифферентным, так как он стремится нейтрально излагать атеистические учения (I 62, 79, III 43, 44, VI 21, 25, 30, 31, V 8, X 10, 15, 6, 10, II 97, IV 54).

Однако установление и прояснение концептуальных связей, объединяющих отдельные понятия в единый дискурс, целостное, а не фрагментарное рассмотрение философем мыслителей, сразу же выявляет поверхностность и недостаточность подобного понимания — Диоген Лаэртский ясно показывает в своей трансляции, что место Бога, Божественного, богов эминентно в конструктах античных философов. Факт существования Бога меняет буквально все как в понимании строения Вселенной, которая теперь становится Космосом, так и в поведении не только отдельных индивидов — личностей, соотносящих отныне свое поведение с божественной парадигмой, но и всего народа, видящего в установлениях богов и божественных законов реперные точки своей идентификации как единой целостности. Более того, через них и отдельные индивиды, и народ оказываются в синтагме космического целого связанными

с богами как артикуляцией «сверху», так и собственной деятельностью «снизу». Поэтому Сократ по праву говорил, что он *ἐκ τοῦ κοσμοῦ*, и называл себя *κοσμοπολίτης*, т.е. «гражданин космоса», живущий по его законам, установленным Богом.

Разумеется, изложить весь материал Лаэртция в рамках небольшой работы невозможно, поэтому приведем только наиболее репрезентативные, как представляется, философско-теологические апофегмы и положения из его книги, не упуская из виду, что его тексты поливалентны и ориентированы на разные целевые группы.

Изложение теологического материала, как обычно у Лаэртция, показывает наличие внутренней структуры, состоящей, в первом приближении, из следующих положений.

1. Кто такие Бог и боги? Каковы их качества и сущность?
2. Как возможно богопознание?
3. Боги и генезис мира.
4. Как Бог и боги относятся к миру?
5. Как должны относиться к богам люди?
6. Проблема атеизма.

1. Кто такие Бог и боги? Каковы их качества и сущность?

О богах следует говорить, что они есть (I, 88, Биант). «Зевс и Время были всегда...» (I, 110, Ферекид). Согласно Эпихарму боги были вечно, «ни на миг не отсутствуя»¹ (III, 10).

По Эпикуру, боги существуют, ибо знание о них – очевидность (X, 123); но они не таковы, какими их полагает толпа. А именно: одни существуют в виде чисел, другие – в подобии формы (X, 139).

Заметьте, кстати, что существование даже богов в виде чисел открывает совершенно неожиданное и в какой-то мере ультра-современное понимание природы всего сущего.

Фалес считал, что Бог не рожден и поэтому древнее всего сущего (*πρὸς βύτατον τῶν ὄντων θεός: ἀγέννητον γάρ*) (I, 35). Само Божественное то, что не имеет ни начала, ни конца (*τί τί θεῖον, «τό μήτε ἀρχήν ἔχον μήτε τελευτήν»*) (I, 36). Ксенофан полагал, что

¹ Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, тексты Диогена Лаэртского приводятся по изданию: *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. – М.: Мысль, 1979. – 620 с.

сущность бога шаровидна и совсем не схожа с человеком: он весь – зрение и весь – слух, но дыхания в нем нет; и он весь – ум, разумение и вечность (IX, 19).

Пифагор считал Солнце, Луну и другие светила богами, так как в них преобладает тепло, а оно – причина жизни (VIII, 27).

По Хрисиппу, первый бог субстанциально – это чистейшая часть эфира. Платон считает, что боги имеют преимущественно огненную природу. Бога он называет умом и причиной, считает шарообразным, наилучшим и прекраснейшим. Бог бестелесен, как и душа, – именно поэтому он не подвержен ущербу и какому-либо патогенному воздействию или претерпеванию. Земля тоже Бог (III, 69).

Еще Пифагор сказал, что Бог мудр (μηδένα γάρ εἶναι σοφὸν [ἄνθρωπον] ἄλλ' ἢ θεόν) (I, 12). Платон детализирует понимание «мудрости» как знание вещей умопостигаемых и сущностно существующих: такое знание свойственно Богу и душе, отделенной от тела. Боги, по Платону, бестелесны (III, 77), обладают провидением будущего, и он верит в то, что они следят за человеческими делами (I, 79). Фалес полагает, что от Бога человеку невозможно скрыть даже свое мышление, не говоря уже о делах (ἡρώτησέ τις αὐτὸν εἰ λήθοι θεοὺς ἄνθρωπος ἀδικῶν: «ἄλλ' οὐδέ διανοοῦμενος») (I, 36). По мнению Алкмеона, богам дано ясно судить как обо всем невидимом, так и смертном, людям же – лишь по признакам и приметам (VIII, 83).

Бог благ: Евклид заявлял, что существует одно только благо (agaton), называемое разными именами: иногда разумением, иногда богом, а иногда умом и прочими наименованиями (II, 106).

Стоики также полагают, что Бог вечен и существовал вначале сам по себе. По их мнению, Бог, ум, судьба и Зевс – одно и то же, и у него есть еще много имен. Судьба есть причинная цепь всего сущего или же разум, по которому движется мир. Бог – это «мир» как обособленная качественность всей сущности; он не гибнет и не возникает. Он – творец всего мироустройства. Бог есть живое существо, бессмертное, разумное, совершенное или же умное в счастье, не приемлющее ничего дурного, Его промысел – над миром и над всем, что в мире; но он не человекоподобен. Бог – творец всего и как бы родитель всего: по многим своим силам он носит многие имена. Он зовется Дием, потому что через него (dia) совершается все, Зевсом, поскольку он – причина жизни (zen) и проникает всю

жизнь; зовется Афиной, поскольку ведущая часть его души простирается по эфиру; Герой, поскольку по воздуху (аер); Гефестом, поскольку по техно-огню; Посидонием, поскольку по воде; Деметрой, поскольку по земле; другие имена, даваемые ему людьми, также обозначают какие-либо Его свойства (VII, 147). Антипатр в VII книге «О мире» говорит, что сущность бога имеет вид воздуха (VII, 148); а Боэф в книге «О природе» называет сущностью бога круг неподвижных звезд (ibid).

По Пифагору, добродетель есть лад (harmonia), здоровье, всякое благо и Бог (VIII, 33).

Диоген Синопский полагает, что богам дано не нуждаться ни в чем.

Эпикур призывал верить, что бог есть существо бессмертное и блаженное (ибо таково всеобщее начертание понятия о боге); имеющее высочайшее счастье. При этом существо блаженное и бессмертное ни само забот не имеет, ни другим не доставляет, а поэтому не подвержено ни гневу, ни благоволению: все подобное свойственно слабым (X, 139).

Боги, по-видимому, проводят время в роскошных пирах: Аристип считает, что «если бы роскошь была дурна, ее не было бы на пирах у богов».

2. Как возможно богопознание?

Тексты в этом подразделе отражают сложность самого вопроса: философы придерживаются разных, иногда противоположных мнений, и Лаэций репрезентативно приводит эту палитру мнений.

По мнению Мелисса, о богах высказываться не подобает вообще, ибо познание их невозможно (IX, 24).

Того же мнения придерживался Протагор, писавший: «О богах я не имею знания, ни есть ли они, ни не есть...» («περί μὲν θεῶν οὐκ ἔχω εἰδέναι οὐθ' ὥς εἶσιν, οὐθ' ὥς οὐκ εἶσιν») (IX, 51).

В греческом оригинале допустимо не только гносеологическое, но и онтологическое понимание данного фрагмента (не быть в известном людям значении не значит не существовать вообще), что открывает совершенно иной взгляд на проблему бытия богов.

Пиррон указывал, что «разные народы верят в разных богов».

Согласно стоикам, разумом люди через выводы из доказательств постигают бытие и провидение богов.

Также и по Эпикуру, боги познаваемы разумом, одни существуют в виде чисел, другие – в подобии формы, человекообразно возникая из непрерывного истечения подобных видностей, направленного в одно место (X, 139).

О богах не следует говорить на улице, где и с кем попало: когда Кратет спросил Стильпона, чувствуют ли боги радость от наших поклонений и молитв, он ответил: «Глупый ты человек, такие вопросы задают не на улице, а с глазу на глаз!» (II, 117). Точно так же и Бион на вопрос, есть ли боги, отвечал: «Эту толпу от меня отгони, многоопытный старец!» (ibid).

По мнению Эпикура, нечестив не тот, кто отвергает богов толпы, а тот, кто принимает ее мнения о них, ибо высказывания толпы о богах – это ложные домыслы (X, 123–124).

Феодор, как пишет Лаэртций, всячески отрицал ходячие суждения о богах. Он хвалит его книжку под заглавием «О богах», сообщая, что она «весьма достойная внимания» и что из нее-то, «говорят», Эпикур заимствовал большинство своих положений.

3. Боги и генезис мира

«Все, что имеется, было совокупно, затем пришел Ум и установил в нем распорядок» (I, 6, Анаксагор). Бог – творец мира, который поэтому прекрасен (κάλλιστον κόσμος: ποίημα γάρ θεοῦ – Фалес) (I, 36).

Мир конструируется умом и провидением (Хрисипп, V книга «О провидении» и Посидоний в III книге «О богах»). Ибо ум проникает все части мира, как душа – все части человека. Но одни части он проникает больше, другие меньше. Таким образом, весь мир есть живое существо, одушевленное и разумное, а ведущая часть в нем – это эфир. Порожденный мир един, поскольку он чувственно воспринимаем, будучи устроен богом. Мир одушевлен, потому что одушевленное выше, чем неодушевленное. Мир есть изделие, предполагающее наилучшую причину. Он устроен единым и не беспредельным, ибо единым был и образец, с которого он сделан. Он шарообразен, ибо такова и фигура его породителя. Причина любого становления есть Бог, ибо благу естественно

быть благо-творным. Причина генезиса неба тоже Бог, ибо наилучшее из умопостигаемого есть причина прекраснейшего из порожденного; а так как Бог именно таков и так как небо в своей красоте подобно именно наилучшему, то оно не может быть подобно ничему порожденному, а только Богу. Вещество движется и движет, в свою очередь, свои порождения, которые движутся сначала нестройно, но когда начинается конструирование мира, то принимаемое от Бога делает их движение размеренным и стройным. Живые существа причастны числу.

Согласно стоикам, мир также един, конечен и шарообразен – это живое существо, разумное, одушевленное и мыслящее (VII, 138–143).

4. Как Бог и боги относятся к миру?

Согласно Пифагору, боги родственны людям, и над последними есть божий промысел (VIII, 27). По Платону, есть два начала всего – Бог и вещество. Вещество бесфигурно и беспредельно; из него рождается сложное: принимая идеи, оно порождает сущности. Идеи – это причины и начала, которыми все, что различно по природе, бывает таково, каково оно есть. Некогда вещество было в нестройном движении, но Бог (говорит Платон), полагая, что строй лучше нестроения, свел вещество в единое место, и эта сущность обратилась в четыре первоосновы – огонь, воду, воздух, землю, – а из них возник мир и все, что в мире.

Стоики также признают два начала во всем сущем: деятельное и страдательное. Страдательное – это бескачественная сущность (вещество); а деятельное – разум, в ней содержащийся, т.е. Бог. Он – творец всего, что в ней имеется. Начала и основы – вещи разные: первые не возникают и не подвержены гибели, вторые же погибают, когда происходит тотальное возгорание. Начала бестелесны и не имеют формы, основы же имеют форму (VII, 134).

Диоген Синопский полагал, что все находится во власти богов; мудрецы – друзья богов; но у друзей все общее; следовательно, все на свете принадлежит мудрецам. Он объявлял, что боги даровали людям легкую жизнь, а те омрачили ее, выдумывая медовые сласти, благовония и тому подобное.

Пифагор говорил, что Гермес оставил ему память о предшествующих рождениях и жизнях (VIII, 4).

По Бианту, что удастся хорошего, то следует считать происходящим от богов (I, 88). Пифагор, когда открыл, что в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен квадрату катетов, принес богам гекатомбу. Сократ говорил, что его демоний предсказывает ему будущее.

Боги, по-видимому, могут иметь интимные отношения с земными женщинами, как следует из рассказа Диогена Лаэртского об обстоятельствах рождения Платона: когда Потона была в цвете юности, Аристон пытался овладеть ею, но безуспешно; и, прекратив свои попытки, он увидел образ Аполлона, после чего сохранял жену в чистоте, пока та не разрешилась младенцем (III, 2).

По мнению толпы, пишет Эпикур, боги будто бы посылают дурным людям великий вред, а хорошим – пользу, но это не так: Богу нельзя приписывать того, что чуждо бессмертию и несвойственно блаженству, а необходимо представлять о нем лишь то, чем поддерживаются его бессмертие и блаженство. Самое же главное смятение в человеческих душах возникает оттого, что одни и те же сущности считаются блаженными и бессмертными и в то же время наделенными волей, действиями, побуждениями (X, 124).

5. Как должны относиться к богам люди?

Богов следует почитать (Солон). По Эпихарму, благочестив перед богами тот, кто печется о храмах и приносит жертвы. Эпименид в Афинах основал храм Благих Богинь и был первым, кто стал воздвигать храмы. Сократ был повинен в том, что не почитает богов, которых чтит город, а вводит новые божества. Благочестие Эпикура Лаэрт называет «несказанным».

Но чтобы их почитать, их надо знать, и Пифагор покинул отечество для посвящения во все таинства (на Крите он вместе с Эпименидом спустился в пещеру Иды в Египте – в тамошние святилища) и узнал о богах самое сокровенное.

Платон называет философию мудростью, ибо она вселяет стремление к божественной мудрости. Конечная цель заключается в том, чтобы уподобиться Богу, т.е. творить добро, а для этого необходимы добродетели, которых поэтому достаточно для счастья.

Таким образом, благо человека на земле оказывается внутренне связанным с представлением о божествах, которым следует подражать и благодаря этому как воплощать идеал человека, так и выполнять дело Бога на земле.

Добродетельных людей Диоген Синопский называл подобиями богов, любовь – делом бездельников. По его мнению, мужам, достигшим сходства с богами, дано довольствоваться немногим.

Стоики не отрицали и непосредственное общение с божеством: так, Зенон обратился к оракулу с вопросом, как ему жить наилучшим образом, и Бог ответил: «Взять пример с покойников»; Зенон понял, что это значит, и стал читать древних писателей. Мудреца этот философ считал божественным, потому что тот как бы имеет в себе Бога, между тем как дурной человек безбожен. Мудрец благочестив, ибо он искушен в уставах, относящихся к богам, а благочестие – это и есть знание о служении богам. Он будет приносить жертвы богам и блюсти чистоту, потому что прегрешения перед богами противны ему, и он любим богами, потому что он свят и праведен перед ними. Только мудрец есть настоящий священнослужитель, потому что он сведущ в жертвоприношениях, основании храмов, очищениях и прочих заботах, относящихся к богам. Мудрец будет также молиться богам, испрашивая у них благ (так говорит Посидоний в I книге «О надлежащем» и Гекатон в III книге «О невероятном»). Но Пифагор запрещает молиться о себе, ибо в чем наша польза, мы не знаем. Он также предписывал изображения Бога в перстне не носить. Предписывал он не допускать заклятий богам и поклоняться лишь бескровным жертвенникам. Богов чтить выше демонов, героев выше людей.

6. Проблема атеизма

Атеистическое, как и неблагочестивое отношение к богам Диоген Лаэртский резко осуждает (в эпизоде с Орфеем) или высмеивает (в случае с Бионом), говоря о первом: «Те, кто приписывают открытие философии варварам, указывают еще и на фракийца Орфея, называя его философом, и притом древнейшим. Но я не знаю, можно ли называть философом человека, который говорил о богах так, как он; да и вообще не знаю, как назвать человека, который бесстыдно приписывает богам все людские страсти, в том

числе такие мерзкие дела, которые редкому человеку и на язык придут» (I, 5).

И о втором (Бионе): «В своих беседах с близкими ему людьми он высказывал много безбожных мыслей, заимствованных у Феодора. Однако потом, когда он заболел, – так рассказывают жители Халкиды, где он умер, – он дал надеть на себя амулеты и покался во всем, чем грешил перед богами. Так он и умер, а я написал о нем такие сатирические стихи: Поэт Бион, борисфенит... Как мы слышали, говорил: “Богов не существует!” Когда б на этом он стоял, то мы сказать могли бы: “Что думает, то говорит: хоть худо, да правдиво”. Но ныне, тяжело заболев, почуввав близость смерти, Он, говоривший: “Нет богов!”, на храмы не глядевший, Он, издевавшийся всегда над приносящим жертвы, Не только начал возжигать и тук и благовонья На очагах и алтарях, богам щечка ноздри, Не только говорил: “Винюсь, простите все, что было!”, Нет, взяв у бабки талисман, чтобы носить на шее, Он, полон веры, обвязал кусками кожи руку И двери дома осенил шиповником и лавром, Готовый все перенести, чтоб с жизнью не расстаться. Дуррак, хотел он подкупить богов – как будто боги Живут на свете лишь тогда, когда ему угодно! И лишь когда, почти прогнев, свою он понял глупость, То, руки простерев с одра, вскричал: “Привет Плутону”» (IV, 54–57).

Тему наказания за нечестие Диоген Лаэртский не менее убедительно иллюстрирует и в своем эссе о Пифагоре рассказом Иеронима, который говорит, что, когда Пифагор сходил в Аид, он видел там, как за рассказы о богах душа Гесиода стонет, прикованная к медному столбу, а душа Гомера повешена на дереве среди змей (VIII, 21).

О Хрисиппе Лаэртский также говорит, что тот «выдумывает гадости про Геру и Зевса и целых 600 строк пишет такое, чего никому не повторить, не замавав рта», так что, говорят, что эта выдуманная им история под стать не богам, а блудилищам (VII, 187–188).

Ксенофан писал эпические стихи, элегии и ямбы против Гесиода и Гомера, нападая на их рассказы о богах. Диоген Синопский также критиковал народную религию. Так, видя, как кто-то совершал обряд очищения, он сказал: «Несчастный! ты не понимаешь, что очищение так же не исправляет жизненные грехи, как и грамматические ошибки». Он порицал людей за их молитвы, утверждая, что они молят не об истинном благе, а о том, что им ка-

жется благом. Тем, кто боялся недобрых снов, он говорил, что они не заботятся о том, что делают днем, а беспокоятся о том, что приходит им в голову ночью. Афиняне просили его принять посвящение в мистерии, уверяя, что посвященные ведут в Аиде лучшую жизнь. «Смешно, – сказал Диоген, – если Агесилай и Эпаминонд будут томиться в грязи, а всякие ничтожные люди из тех, кто посвящен, – обитать на островах блаженных!» Зенон (стоик) полагал, что дурной человек безбожен, причем «безбожный» говорится в двух смыслах: «противоположный божественному» и «отрицающий божественное» – и последнее он относил не ко всякому дурному человеку.

При этом Лаэртций благожелательно цитирует Эпихарма, который справедливость в своих диалогах представлял божественным законом, «чтобы страх посмертной кары за дурные поступки подкреплял его увещания о добрых».

Некоторые выводы

У Диогена Лаэртского есть, конечно, и многочисленные топысы, в которых излагается учение философов о душе, но, думается, уже и без них очевидно, что у нашего автора не только есть место философской теологии, но и что она артикулируется на разных уровнях, как просто, так и сложно, с очевидной целью, в том числе, чтобы охватить и индоктринировать как можно больший контингент читателей.

Что мы находим у Лаэртция, чего бы не было у его авторов? То, чем органичное целое больше части: эффект сверхаддитивности – качественно более полную, цельную, собранную картину ответов на вышепоставленные вопросы.

Следует также заметить, что при сравнительно небольшом количестве собственно теологического материала в учениях и мнениях философов посредством расположения текстов достигнут эффект, так сказать, теологизации всей книги, когда почти каждый философ либо сам трактует вопросы богословия, либо связанные с ними категории, либо через черту характера, поведения или через какое-либо событие в его жизни ярко выступает его отношение к ним либо их отношение к людям.

Важно отметить, что даже там, где Лаэртций прямо не называет богов, он говорит о вещах, которые с ними связаны, – о добродетели, например.

Таким образом, можно констатировать, что книга Диогена Лаэртского – это не только репрезентация истории античной философии в ее сути, как она представлялась образованному сознанию той эпохи, но и представление этой истории в виде философской теологии. Поэтому прочитав его труд, грек или лицо, знающее греческий язык, получали определенно выстроенное представление как о самих философах, их образе жизни, эпитоме их мыслей, концепций, теориях о природе человека, мира, так и о рациональных, не противоречащих другим концепциям учениях этих мыслителей о богах как высшей, лучшей, существеннейшей и важнейшей части мироздания.